

Двухместные предикаты в саамских языках в ареальной перспективе

Алёна Алексеевна Блинова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ablinova@edu.hse.ru

Ксения Андреевна Шагал

Хельсинкский университет
ksenia.shagal@gmail.com

1. Введение

Данное исследование представляет собой краткий сравнительный анализ маркирования аргументов двухместных предикатов в двух саамских языках — колтта-саамском и южносаамском — в типологической, генеалогической и ареальной перспективе. Согласно типологическим работам, в языках мира двухместные предикаты демонстрируют существенное разнообразие стратегий кодирования аргументов. В то же время они составляют достаточно многочисленную и однородную группу, что позволяет установить интересные межъязыковые закономерности (Bickel et al. 2014, Сай 2018a). Именно поэтому они представляют для сравнительного анализа наибольший интерес. В основу исследования лег проект Лаборатории типологического изучения языков Института лингвистических исследований РАН (Сай 2018a; Сай и др. 2018): так, мы использовали для сбора языковых данных анкету, разработанную в рамках проекта, а также следовали методологии анализа собранного материала.

Как показано в работе (Сай 2018б), организация двухместных предикатов в классы в разных языках отражает контактные и ареальные явления разного масштаба: от мощных ареальных тенденций субконтинентального уровня до контактно обусловленных черт, объединяющих небольшие группы географически близких неродственных языков. Колтта-саамский и южносаамский языки с точки зрения влияния ареальных факторов представляют собой многообещающий материал. С одной стороны, они принадлежат к одной подгруппе в рамках уральской языковой семьи,

то есть являются близкородственными. С другой стороны, в их развитии заметную роль сыграли очень разные языки: южно-саамский находится под сильным влиянием скандинавских языков (в первую очередь шведского), в то время как колтта-саамский напрямую этому влиянию почти не подвержен, поскольку контактировал преимущественно с русским (наиболее интенсивно до 1920 года) и финским (после 1920). Влияние контактных языков тем существеннее, что оба рассматриваемых саамских языка находятся под угрозой исчезновения: у южно-саамского около 600 носителей, проживающих в Швеции и Норвегии, на колтта-саамском говорят около 320 человек в Финляндии и России (Eberhard, Simons, and Fennig 2020)¹.

2. Структура анкеты и принципы работы

Типологическая анкета, используемая в ходе исследования, состоит из 130 предложений. Каждое из них включает в себя предикат, для которого предполагается наличие двух участников, взятый в определенном контексте. После заполнения анкеты для каждого предиката устанавливаются средства оформления участников. Для языков, обсуждаемых в данной работе, достаточно учитывать зависимостное маркирование. Так, оба саамских языка используют для кодирования аргументов падежи и адлоги (преимущественно послелог), в общем случае управляющие генитивом, см. пример (1) из колтта-саамского:

(1) *Teârmmaz-toll* *kõõskst-i* *põ'rtt-e* /
 гром-огонь-NOM.SG ударить(молнией)-PST.3SG дом-ILL.SG /

põõrt *ool*.
 дом.GEN.SG на
 'Молния попала в дом.'

Хотя в ходе работы фиксируются все варианты перевода, для дальнейших подсчетов всегда выбирается только один — кажущийся носителям наиболее естественным и при этом макси-

¹ Авторы благодарят за помощь в сборе и обработке материала Тима Фиста (колтта-саамский), Рихарда Ковалика (южносаамский), Эмиля Ингельстена, Давида Авеллана-Хултмана, Иду Мейделл Блюлод и Наталью Перкову (шведский), а также носительниц колтта-саамского в Советтиярви (Финляндия) и южносаамского в Херьедалене (Швеция).

мально точно отражающий семантику исходного предиката. Если для предиката нет эквивалента в исследуемом языке или глагол, передающий нужную семантику, не является в нем двухместным, этот предикат в данном языке исключается из рассмотрения.

Полученные данные используются для оценки сходств и различий между языками на разных уровнях — от общих закономерностей до конкретных деталей. Для самого грубого анализа используется индекс переходности — отношение количества переходных глаголов² к общему количеству предикатов, для которых были получены эквиваленты в исследуемом языке (например, 0.55 для колтта-саамского: 67 переходных предикатов из 121). На следующем уровне анализа составляется профиль переходности каждого из исследованных языков. Для этого идентифицируется множество предикатов, эквиваленты которых в этом языке попадают в класс переходных. Наиболее детальный анализ предполагает сравнение распределения предикатов по классам. Два предиката считаются принадлежащими к одному классу, если первый и второй их участники попарно кодируются одинаково. То, какой участник является первым, а какой вторым, устанавливается для каждого предиката на основании семантических свойств: у первого участника преобладают свойства прототипического агенса, у второго участника преобладают свойства прототипического пациенса (Dowty 1991). Более подробно методология исследования изложена в статье (Сай и др. 2018).

3. Двухместные предикаты в уральских языках

Типологический проект, посвященный изучению двухместных предикатов, на данный момент включает в себя материалы 13 уральских языков — в том числе колтта-саамского, подробно рассмотренного в (Blinova and Shagal, to appear), и южносаамского, впервые представленного в данном исследовании. Уральские языки демонстрируют очень большой разброс значений индекса переходности — от 0.30 у финского до 0.71 у южносаамского (для сравнения: разброс внутри индоевропейской семьи — 0.36–0.67).

² Переходными в определенном языке считаются все глаголы, аргументы которых кодируются в этом языке тем же способом, что и аргументы прототипически переходных глаголов 'ударить' и 'убить' (Сай и др. 2018: 13, Haspelmath 2015: 137–138). В обоих саамских языках переходные предикаты управляют аккумулятивом.

При этом в типологическом исследовании (Сай 2014) отмечена обратная зависимость между количеством падежей в языке и его индексом переходности (так, финский с 15 падежами имеет показатель 0.30, а норвежский, в котором именных падежей нет, — 0.54). Тем не менее, в колтта-саамском и южносаамском большое количество падежей (9 и 8 соответственно) соседствует с высокими показателями переходности (0.55 и 0.71). В какой-то степени такие значения индекса могут объясняться тем, что саамские языки почти полностью утратили партитив, широко используемый для кодирования аргументов, например, в финском, и функции партитива перешли к аккумулятиву. Действительно, как показано в работе (Blinova and Shagal, to appear), многим финским глаголам, управляющим партитивом, соответствуют колтта-саамские переходные глаголы, ср. финский пример (2) и колтта-саамский (3). Во многих случаях это верно и для южносаамского, см. (4):

(2) *Pekka* *usko-o* *Matti-a*.
 Петя.NOM.SG верить.PRS.3SG Матвей-PART.SG
 ‘Петя верит Матвею.’

(3) *Peâtt* *âskk* *sui*.
 Петя.NOM.SG верить.PRS.3SG он(а).ACC
 ‘Петя верит ей.’

(4) *Hilje* *Mikaelem* *jaahka*.
 Илья.NOM.SG Михаил.ACC.SG верить.PRS.3SG
 ‘Илья верит Михаилу.’

Тем не менее, утрата партитива, очевидно, не может в полной мере объяснить исключительно высокий индекс переходности саамских языков в рамках уральской семьи, и тем более не может объяснить существенного различия в значении индекса внутри подгруппы. Этот вопрос обсуждается подробнее в разделе 4.

С точки зрения профиля переходности уральская языковая семья является довольно раздробленной: в ней, относительно других семей, активно проявляются ареальные тенденции (данные исследованных ранее языков и методика расчета метрики представлены в Сай 2018б: 576, 579–582). Из этого можно сделать вывод, что в уральских — в том числе саамских —

языках наблюдаются существенные изменения, вызванные контактным влиянием (в случае входящих в это исследование языков влияние оказывают в первую очередь финский, шведский и русский). Колтта-саамский по своему профилю переходности оказывается близок к русскому языку, а также кластеру языков, находящихся под сильным влиянием русского (марийские языки, коми-зырянский, коми-пермяцкий, эрзянский). При этом он далек от норвежского — скандинавского языка с самым близким значением индекса переходности (0.55 у колтта-саамского и 0.54 у норвежского); это указывает на то, что в действительности стратегии поведения двухместных глаголов в этих языках заметно различаются. Южносаамский в этом отношении ближе к норвежскому (и, что ожидаемо, шведскому), чем колтта-саамский. Отчасти это может объясняться его в целом высоким индексом переходности (0.71), а значит, тенденцией включать в класс переходных большинство глаголов, являющихся переходными в других исследуемых языках.

4. Сравнительный анализ двухместных предикатов в саамских языках

Для более детального анализа сходств и различий двух саамских языков мы сравнили попарно все предикаты, эквиваленты для которых удалось получить для обоих (103 из 130 предложений анкеты). Валентностные рамки можно считать одинаковыми для 69 предикатов (67.0%), и в большинстве случаев (58/69, т.е. 84.1% от числа совпадений) эта рамка оказалась переходной. Из непереходных рамок более одного раза встречается оформление второго участника комитативом, а также локативом в колтта-саамском и элативом в южносаамском.³ Комитативная стратегия используется при симметричных предикатах ('встречаться', 'драться', 'ссориться', 'разговаривать'), а также для оформления инструмента ('порезаться'). Как показывает Сай (2018б: 569), эти два типа значений нередко кодируют аргументы одинаково, а симметричные предикаты и вовсе являются одним из лучших примеров компактного типологически релевантного валентностного класса. Напротив, локативное/элативное кодирование аргу-

³ Сохранившимся в южносаамском языке отдельным формам инессива *guele-sne* 'рыба-INE' и элатива *guele-ste* 'рыба-ELA' в колтта-саамском соответствует единая форма локатива *kue'lest* 'рыба-LOC' (Sammallahti 1998: 66–67).

ментов используется при предикатах ‘слезать’, ‘бояться’ и ‘наполняться’, которые не принадлежат ни к какому устойчивому классу с точки зрения значения и демонстрируют широкую вариативность в кодировании аргументов внутри уральской семьи, так что их объединение в одну группу может оказаться как общей чертой саамских языков, так и просто совпадением.

Особый интерес для нашего исследования представляют предикаты, у которых валентностные рамки в двух саамских языках различаются: именно такие случаи, наиболее вероятно, могут отражать непосредственное контактное влияние. Для целого ряда предикатов это влияние достаточно очевидно: разница в кодировании между колтта-саамским и южносаамским в точности повторяет различия между их основными контактными языками, финским и шведским, а иногда отражает и более общие ареальные тенденции. Ярким примером является посессивная конструкция, на которой основывается кодирование предикатов ‘иметь’ и ‘быть достаточно’. В колтта-саамском и финском обладатель маркируется локативом и адессивом соответственно, а обладаемое получает номинативное оформление. Такая стратегия кодирования (с неноминативным оформлением первого участника) характерна для целого ряда циркумбалтийских языков, в частности для прибалтийско-финских, русского (*У меня есть машина, Мне достаточно денег*) и латышского. В южносаамском и шведском базовой является конструкция с переходным глаголом ‘иметь’, что характерно для языков средневропейского стандарта. Как отмечает Ковалик (2016: 52–54), в южносаамском эта конструкция развилась и стала частотной как раз в результате контакта со шведским и норвежским. Кроме того, при предикатах ‘входить’ и ‘выходить’ колтта-саамский и финский, как и абсолютное большинство уральских языков, кодируют участников падежными средствами (иллативом и локативом/элативом соответственно), в то время как южносаамский, также обладающий относительно богатой падежной системой, использует адлоги (послелог *sijse* ‘в’ и *sistie* ‘из’), подобно скандинавским языкам, где следов именного падежа почти не сохранилось.

Впрочем, контактное влияние разных языков, как кажется, может проявляться и на более абстрактном уровне, в частности в общем стремлении к переходному или непереходному кодированию участников. В этом отношении показательны 19 зафиксированных случаев, когда валентностная рамка оказалась переходной

в одном из языков и непереходной в другом. Прежде всего, можно заметить, что колтта-саамский оказался «более переходным» всего в четырех случаях против 15 у южносаамского. Иначе говоря, и на полностью идентичном наборе предикатов южносаамский имеет значительно более высокий индекс переходности, чем колтта-саамский: 0.72 (74 предиката) против 0.60 (62 предиката). Стоит отметить также, что во всех четырех случаях, когда переходное кодирование используется из двух саамских языков только в колтта-саамском, соответствующие предикаты имеют переходное или партитивное кодирование второго участника в финском ('выиграть (у кого)', 'думать (о ком)', 'махать (чем)' и 'окружать'). Иными словами, переходность конкретных предикатов в колтта-саамском напрямую поддерживается его основным контактным языком. Для южносаамского такой строгой связи со шведским не наблюдается: некоторые предикаты, переходные в южносаамском, переходны и в шведском ('нападать', 'покидать', 'нравиться' и др.), однако многие используют в шведском непереходную стратегию кодирования ('смотреть (на что)', 'стрелять (в кого)', 'влюбляться' и др.). Таким образом, можно предположить, что шведский, демонстрирующий относительно высокий индекс переходности (0.64 на 129 предикатах и 0.67, если считать только предикаты, собранные и для южносаамского), будучи в контакте с южносаамским, не только предоставляет последнему готовые валентностные рамки для отдельных предикатов, но и в целом способствует более широкому распространению в языке переходной стратегии кодирования аргументов.

5. Выводы

Проведенное нами исследование свидетельствует о том, что саамские языки занимают особое место в уральской семье, демонстрируя одновременно и генеалогически обусловленные общие свойства, и черты, сформировавшиеся под влиянием языкового контакта. Наиболее заметной общей чертой двух саамских языков, отличающей их от большинства уральских, является их большая склонность к переходному кодированию участников. Так, например, оба исследованных саамских языка существенно более переходны, чем родственный им и относительно близкий географически финский. Отчасти, по-видимому, это можно объяснить утратой партитива, однако очевидно, что для полноценного объяснения необходимо привлечь и какие-то дополнительные факторы.

В ареальной перспективе, однако, важнее идентифицировать расхождения внутри подгруппы, которые могут объясняться контактной историей. В случае с саамскими языками эти расхождения становятся заметны уже при использовании достаточно грубой метрики — индекса переходности: южносаамский оказывается гораздо более переходным, чем колтта-саамский, и по этому параметру ближе к шведскому и другим германским языкам. При анализе конкретных предикатов становится очевидно, что это различие невозможно объяснить простым заимствованием отдельных валентностных рамок (прежде всего из шведского в южносаамский), так что можно предположить, что соседство со скандинавскими языками, тяготеющими к переходности, оказало влияние на южносаамский на более абстрактном уровне.

Что касается различий более низкого порядка, они наблюдаются как на уровне отдельных конструкций (например, посесивной), так и на уровне единичных валентностных рамок конкретных предикатов. В этих случаях влияние других языков почти всегда очевидно, однако стоит отметить, что контактное распространение валентностных рамок, как правило, не подразумевает заимствования конкретного языкового материала (Say 2014: 160), а потому представляет собой типичный случай заимствования модели, а не формы (pattern borrowing по Matras and Sakel 2007).

Список условных сокращений

3 — 3 лицо; ACC — аккузатив; ELA — элатив; GEN — генитив; ILL — иллатив; INE — инессив; LOC — локатив; NOM — номинатив; PART — партитив; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Сай, С.С. 2018а. Валентностные классы двухместных предикатов: теоретический контекст, задачи исследования и структура сборника // С. Сай (ред.), *Валентностные классы двухместных предикатов в разноструктурных языках*, 5–24. СПб.: ИЛИ РАН.
- Сай, С.С. 2018б. Маркирование актантов двухместных предикатов: предварительные итоги типологического исследования // С. Сай (ред.), *Валентностные классы двухместных предикатов в разноструктурных языках*, 557–616. СПб.: ИЛИ РАН.
- Сай, С.С., Д.В. Герасимов, С.Ю. Дмитренко, Н.М. Заика и В.С. Храковский. 2018. *Валентностные классы двухместных предикатов: типологическая анкета и инструкция исследователю* // С. Сай (ред.), *Валентностные классы двухместных предикатов в разноструктурных языках*, 45–46. СПб.: ИЛИ РАН.

- Bickel, Balthasar, Taras Zakharko, Lennart Bierkandt, and Alena Witzlack-Makarevich. 2014. Semantic role clustering: An empirical assessment of semantic role types in non-default case assignment. *Studies in Language* 38 (3). 485–511.
- Dowty, David. 1991. Thematic proto-roles and argument selection. *Language* 67. 547–619.
- Eberhard, David M., Gary F. Simons, and Charles D. Fennig (eds.). 2020. *Ethnologue: Languages of the World*. Twenty-third edition. Dallas, Texas: SIL International. Online version: <http://www.ethnologue.com>.
- Haspelmath, Martin, and Iren Hartmann (2015). Comparing verbal valency across languages. In Andrei Malchukov and Bernard Comrie (eds.). *Valency classes in the world's languages*, 41–72. Berlin: Mouton De Gruyter.
- Kowalik, Richard. 2016. *Predicative possession in South Saami*. Stockholm: Stockholm University MA thesis.
- Matras, Yaron, and Jeanette Sakel. 2007. Introduction. In Yaron Matras and Jeanette Sakel (eds.), *Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective* (Empirical Approaches to Language Typology 38), 1–13. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Sammallahti, Pekka. 1998. *The Saami languages: An introduction*. Karasjok: Davvi Girji.
- Say, Sergey. 2014. Bivalent verb classes in the languages of Europe: A quantitative typological study. *Language Dynamics and Change* 4. 116–166.
- Shagal, Ksenia, and Alena Blinova (to appear). Bivalent verb classes in Skolt Saami: A pilot study. In Rogier Blokland, Michael Rießler, and Torbjörn Söder (eds.), *Saami Linguistics in Uppsala. The 2019 SAALS 4 Symposium* [Special issue], *Studia Uralica Upsaliensia* 41.